

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. В. и В. П. ДОЛГОРУКОВЫХ с ГЕРЦЕНОМ и ОГАРЕВЫМ

Публикация Н. Н. Захарьина

Известный эмигрант князь Петр Владимирович *Долгоруков* (1816—1868) писал Герцену и Огареву довольно часто. Судьба всей этой переписки неизвестна. В «софийской коллекции» сохранилось (в черновике) одно письмо Герцена к Долгорукову. В «пражской коллекции» оказалось три письма Долгорукова — одно к Герцену и два к Огареву. Печатая эти письма, мы присоединяем к ним еще два—адресованных Герцену сыном П. В. Долгорукова, Владимиром Петровичем; автографы этих писем находятся также в «пражской коллекции».

Письма Огарева к Долгорукову до нас не дошли. Известны лишь два черновых наброска писем, в записной книжке Огарева и на отдельном листке (первое опубликовано в собрании сочинений Герцена, потому что Герцен внес в текст ряд дополнений и поправок—см. XVI, 147—148; второе не опубликовано, но аннотировано в «Описании рукописей Н. П. Огарева», находящихся в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, М., 1952, стр. 158, № 308).

Несомненно, что и писем Герцена к Долгорукову было гораздо больше, чем нам известно. В собрании сочинений напечатано всего двенадцать писем (если не считать указанного выше совместного письма Герцена и Огарева), из них около половины—пригласительные записки.

По немногим разрозненным письмам, разумеется, нет возможности судить в целом о взаимоотношениях Герцена и Огарева с Долгоруковым, фигурой достаточно сложной.

Отпрыск одного из древнейших княжеских родов России, своеобразный представитель феодально-аристократической фронды, Долгоруков очутился за рубежом на положении эмигранта из-за своих нападок на режим Николая I и Александра II. Он широко развернул в эмиграции свою деятельность публициста-памфлетиста, выступая с разоблачением монархии Романовых и придворных кругов и стал издателем нескольких политических журналов — «Будущность», «Правдивый», «Листок». Он выступал также в качестве историка, собирателя и публикатора документов, вскрывающих закулисную сторону жизни российского двора. Он, наконец, вмешивался в жизнь революционной эмиграции шестидесятых годов, и именно здесь реакционная сущность княжеской оппозиции заметнее всего. Долгоруков, например, натравливал швейцарское правительство на эмигрантов, в частности на Эллидина, у Долгорукова были крайне резкие столкновения с эмигрантами-поляками и т. д.

Отрицательное в целом отношение Герцена к Долгорукову временами настолько обострилось, что полный разрыв между ними становился неизбежным; но потом острота конфликта сглаживалась и связи возобновлялись.

Одно из таких столкновений, вначале имевшее весьма острый характер, а затем смягчившееся, произошло незадолго до казни Д. В. Каракозова, в августе 1866 г. Суть столкновения, происшедшего на политической почве, становится впервые известной благодаря публикуемому письму Герцена к Долгорукову от 21 августа 1866 г.

Интересный документ этот не оставляет места сомнениям о причинах разрыва отношений с Долгоруковым в 1866 г. Как пишет Герцен, он не может «оправдать образ

действий», принятый Долгоруковым, и считает себя обязанным прямо высказать свое осуждение этому «образу действий». Из содержания письма явствует, что ему предшествовали еще по крайней мере два эпистолярных документа, не дошедших до нас: письмо Герцена, осуждающее поведение Долгорукова, и ответ Долгорукова. Предметом этой переписки было, без сомнения, положение дел в России. Под влиянием события 4 апреля 1866 г. и наступившей вслед за тем глубокой общественной и правительственной реакции в стране Долгоруков, повидимому, предъявил со своей стороны какие-то

«БУДУЩНОСТЬ», ЖУРНАЛ, ИЗДАВАВШИЙСЯ П. В. ДОЛГОРУКОВЫМ В ЭМИГРАЦИИ

Первый номер от 15 сентября 1866 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

обвинения к революционно-демократическому движению, к его участникам «нигилистам», к «нигилизму» вообще и предложил Герцену поддержать его. Герцен ответил на это предложение так, как и должен был ответить подлинный революционер. Он не только отверг предложение Долгорукова и заявил о своей солидарности с революционной демократией, но и известил своего корреспондента о прекращении отношений с ним до того времени, в которое он иначе взглянет на дело. Весьма примечательны в публикуемом письме слова Герцена: «...И телом и душой не

только принадлежу к нигилистам*, но принадлежу к тем, которые вызвали их на свет».

Мы не знаем, когда начались и как протекали объяснения между Герценом и Долгоруковым. Однако нам известен их результат: в той или иной форме Долгоруков несомненно изменил свою позицию, «иначе взглянул на дело», к чему его призывал Герцен. С октября 1866 г. его имя вновь появляется в «Колоколе» — Герцен печатает специальную заметку, рекомендуемую вниманию читателей брошюру-памфлет Долгорукова против М. Н. Муравьева (XIX, 64). Долгоруков вновь принимает участие в подготовке «Смеси» и обработке корреспонденций в «Колоколе». Так сгладился и этот конфликт.

Отношения Огарева с Долгоруковым были, в сущности, столь же холодны, как и отношения Герцена. В бумагах Долгорукова, унаследованных в 1868 г. Станиславом Тхоржевским, нашлись «особо завернутые и надписанные»: „Lettres de Mr Nicolas Ogarew (l'épigré)“***. Тхоржевский принес их Огареву. Сообщая об этом Герцену, Огарев писал: «...мои письма к Долгорукову. Что я мог к нему писать? Я хотел отдать их, не развертывая, назад, но Тхоржевский этим бы обиделся. Я их сейчас просмотрел. Всякие (с Лондона начиная) ответы на приглашения на обед и т. п. Но вот попадаются имена с заглавной буквой, которых не могу припомнить, и времена, которые захватывают за сердце. Я сберегу их до нашего свидания, вместе пересмотрим. Но должны быть *позднейшие более ругательные письма*: этих его сиятельство не сберегло» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 516, письмо от 9 февраля 1869 г. Курсив наш. — Н. З.).

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 82 и 1496) и «софийской коллекции».

1

П. В. ДОЛГОРУКОВ — ОГАРЕВУ

(Лондон.) 2 мая 1865

Любезный друг Николай Платонович, в субботу отправятся через Роттердам по Рейну до Мангейма и по железной дороге *petite vitesse**** от Мангейма через Гетельберг и Базель до Женевы моя библиотека и мебель, всего *пятьдесят шесть solis*****. Уплата будет производиться в Женеве. Все это отправлено на имя ваше, и потому вкладываю в это письмо вексель на имя ваше в *две тысячи франков* из лондонского отделения Швейцарского генерального банка в главную контору этого же банка в Женеве. Вексель от 1 мая, за № 5803 и за подписью Фрейлиграта¹.

Пан и я просим вас всех, по получении этого моего письма, *более не писать к нам*. Тхоржевский будет в Женеве в конце будущей недели, но писать к нему не нужно.

Письма Александра Ивановича от 23 и 27 апреля я получил².

Мое почтение Наталье Алексеевне, поклоны Герцену и Касаткину, и дружески жму вам руку.

¹ Письмо написано в связи с переездом редакции «Колокола» из Лондона в Женеву. Вслед за Герценом и Огаревым, которые перевели в апреле 1865 г. типографию на континент, снялся с места и Долгоруков.

² Письмо Герцена от 23 апреля 1865 г. в печати неизвестно; письмо от 27 апреля — см. XVIII, 88—89.

* Словом «нигилизм» Герцен пользовался для условного обозначения всего революционно-демократического движения шестидесятых годов — его идеологии, его деятелей (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 381).

** «Письма Николая Огарева (эмигранта)» (франц.).

*** малой скоростью (франц.).

**** тюков (франц.).

П. В. ДОЛГОРУКОВ — ГЕРЦЕНУ

Женева, 30/18 сентября 1865

Почтеннейший Александр Иванович, сейчас получил ваше письмо¹, в котором вы пишете, что к вам приезжала княгиня Голицына и говорила, будто мой отказ дать денег Александру Александровичу Серно-Соловьевичу основан на том, что вы мне будто бы говорили, *что это дело — нечистое* и что вы мне будто бы говорили о займе г. Черкесова у Виктора Ивановича Касаткина... Все это... *басни* (чтобы выразиться возможно вежливее)².

С княгинею Варварою Александровною Голицыною я не знаком и даже никогда не встречался. Вчера утром был у меня ее знакомый, г. Якоби, и просил пятьсот франков займа для Александра Александровича Серно-Соловьевича, прибавляя, что в исправности уплаты поручатся княгиня Голицына, г-жа Шелгунова и он, г. Якоби (как вы видите, все лица, заслуживающие полного доверия)³.

Отказ мой основан был, как я сказал г-ну Якоби, на двух причинах: во-первых, на неимении лишних денег; во-вторых, на моем *решительном намерении не вмешиваться ни под каким видом и никоим образом в дела Александра Александровича Серно-Соловьевича*, потому что вы и Виктор Иванович Касаткин, вмешавшись в эти дела, навлекли себе хлопоты и неприятности. Но я не говорил, что я слышал от вас, будто это «дело нечистое», потому что, не будучи *лжецом*, не имею привычки приписывать кому бы то ни было *речей небывалых*...

По той же самой причине не мог я сказать, что слышал от вас о займах г. Черкесова у Виктора Ивановича Касаткина, потому что не вы мне об них говорили... Занять деньги и отказать в выдаче векселя — поступок весьма предосудительный, но от кого я слышал об этом поступке г. Черкесова, я не скажу, потому что нисколько не обязан отдавать отчетов ни княгине Голицыной, ни ее друзьям... Не будучи мальчишкой, я не имею привычки *сплетничать*...

Об Александре Александровиче Серно-Соловьевиче я никогда не слышал ничего предосудительного, но *денег давать ему отказываюсь и в обстоятельства его никогда не буду вмешиваться ни под каким видом*, тем более, что, приняв в них участие, я был бы вовлечен в сношения с такими лицами, с которыми решительно не хочу иметь ни малейшего знакомства...

Письмо мое можете сообщать всем и каждому.

Искренно вам преданный

Петр Долгоруков

¹ Это письмо Герцена в печати неизвестно.

² Вопрос о помощи А. А. Серно-Соловьевичу имел в это время, ввиду его болезненного состояния, весьма срочный и острый характер.

³ В. А. Голицына — урожденная Зайцева, по второму мужу Якоби — участница революционного движения шестидесятых годов. Об А. А. Черкесове и П. И. Якоби см. на стр. 280 и 29 и 33 настоящего тома.

ГЕРЦЕН — П. В. ДОЛГОРУКОВУ

21 августа 1866

7, Q(uai) M(ont) B(lanc),
G(enève)¹

Почтеннейший кн(язь) П(етр) Вл(адимирович),

Письмо ваше сильно огорчило меня. Я верил, что наш голос заслуживал иного внимания, в чистоте наших намерений вы не сомневаетесь. В моей совести я не могу оправдать образ действия, принятый вами.

Я должен был это высказать, иначе ввел бы вас в заблуждение. Писавши к вам, я думал, что вы поступили сгоряча и что вам самим досадно. Ответ ваш показывает, что я ошибся. Писать разбор на ваше письмо и взвешивать слова я не стану, замечу только одно. Как же вы не заметили, что я телом и душой не только принадлежу к нигилистам, но принадлежу к тем, которые вызвали их на свет. Не теперь же я стану отречься от всего прошедшего своего, когда правительство обращает на нигилизм всю свирепость свою. Ни в нигилистов, ни в Каракозова я, конечно, не пушу камнем. До того времени, почт(еннейший) кн(язь) П(етр) Вл(адимирович), в которое вы иначе взглянете на дело, позвольте мне замолчать и совершенно устраниваться. Вы оцените сами, что при этих обстоятельствах мы не можем завтра у вас обедать — искренно благодаря за приглашение и искренно сожалея о том. Не забудьте, что тут для меня нет ничего личного, тут замешана моя религия, и не вы, князь, будете меня упрекать за то, что я ей верен².

С истинной преданностью

А. Г.

¹ Копия неустановленным почерком. Возможно, что это письмо, писанное под диктовку Герцена.

² Некоторые отголоски происшедшего столкновения можно найти в ряде писем Герцена второй половины 1866 г. Так, например, за день до даты настоящего письма (20 августа 1866 г.) Герцен сообщал Н. А. Огаревой: «Я писал Долгорукову) пространное письмо, жду ответа» (XIX, 44). Полученный ответ был, очевидно, настолько неудовлетворителен, что и вызвал комментируемое письмо. Через месяц — 18 сентября 1866 г. — Герцен писал о своих женевских впечатлениях М. Мейзенбуг в следующих выражениях: «Канканы, долгорукиады и прочие пляды» (XIX, 60). Наконец, в конце года, 16 декабря, в письме к Г. Н. Вырубову Герцен, повторяя жалобы на Женеву, говорит: «Хуже кабака нет в мире. Кн. Долг(орук)ов неистовствует по временам... и это рассеивает» (XIX, 139).

4

П. В. ДОЛГОРУКОВ — ОГАРЕВУ

Воскресенье, 17 февраля 1867

Любезный Николай Платонович, посылаю вам корректуру¹.

Я получил сегодня письмо, очень любопытное, насчет Горчакова и великого князя Константина.

События в наше время идут столь быстро, что откладывать печатать их до 1 апреля невозможно. Я полагаю, что нужно было бы издать № 237 «Колокола» не 1 апреля, а 15 марта, в один лист². Конец моего письма займет там $\frac{1}{2}$ листа; ваша статья — $\frac{1}{4}$ листа³, а там не придет ли чего-либо Герцен, или, если нет, мы подберем факты из русских журналов⁴. Оттягивать печатание неудобно.

Ваш преданный

Долгоруков

¹ Долгоруков послал корректуру своей статьи «Письмо из Петербурга», напечатанной в лл. 235—237 «Колокола».

² Огарев запросил Герцена о выпуске л. 237 «Колокола» за две недели до намеченного ранее срока. Герцен отвечал: «Без сомнения, надобно издать 15-го (марта), если есть материал...». Лист вышел из печати 15 марта 1867 г. (XIX, 219).

³ Продолжение статьи Огарева «Частные письма об общем вопросе».

⁴ Отдел «Смесь» в л. 237 «Колокола» составлен из сообщений газет «Одесский вестник», «Голос» и др. В том же листе напечатаны заметки о «сылке втихомолку» П. Л. Лаврова и Н. В. Альбертини, о бегстве арестованного участника движения 60-х годов С. Я. Жеманова, а также заметка о выходе в отставку шести московских профессоров — С. М. Соловьева, И. К. Бабста, Б. Н. Чичерина и др. «Смесь» составлена частично Огаревым, частично Долгоруковым. Одна заметка — («Общество поджигателей») — подписана именем Герцена (XIX, 244—245).

В. П. ДОЛГОРУКОВ — ГЕРЦЕНУ

(Берн. 6 июля 1868 г.)

Многоуважаемый
Александр Иванович!

Отец очень трудно болен. Если б вы приехали с ним проститься, я уверен — ваше посещение доставило бы ему много удовольствия. Говорю «проститься», ибо Фогт приговорил отца... Доставьте больному удовольствие видеть своего друга!

От всей души уважающий вас

В. Долгоруков¹

6 июля 1868 Hôtel Tolson Bern

¹ 7 июля 1868 г. Герцен писал Огареву: «Получил письмо от сына Долг(орук)ова с просьбой от отца приехать проститься...» (XXI, 13). Герцен выехал в Берн для прощания с Долгоруковым 10 июля и возвратился в Люцерн 13 июля (XXI, 15—16). Умер Долгоруков 17 августа 1868 г.

В. П. ДОЛГОРУКОВ — ГЕРЦЕНУ

(Montreux.) Hôtel des Alpes, № 1 et 2
Septembre 868

Многоуважаемый
Александр Иванович!

Хотя я и написал пану Тхоржевскому передать вам, что творят или хотят творить *наши*, тем не менее, не зная когда он увидит вас, я пишу вам, чтоб известить вас о следующем. Озеров хочет, чтоб я ехал к государю в Дармштадт и объяснил Адлербергу или Шувалову, что сталося с бумагами покойного батюшки. Мне кажется, самое простое будет, если я им объявлю, что, в силу завещания батюшки, я не пользуюсь бумагами его и хотя знаю Тхоржевского и вас, но, не будучи бандитом, не чувствую себя способным явиться к вам с ножом и под страхом смерти требовать от вас отдачи вашей собственности; тем не менее, я к *ним* не поеду, а если будут настаивать, то еще успею подумать и сообразить свое поведение¹.

Пока я поселился в Montreux, в Hôtel des Alpes, под скромным именем Monsieur D. Naveau, на что у меня есть довольно уважительные причины.

С чувством глубокого уважения жму вашу руку. Преданный вам

К(нязь) В. Долгоруков

¹ Бумаги Долгорукова перешли по его завещанию к С. Тхоржевскому. Как явствует из публикуемого письма, еще в 1868 г. на сына Долгорукова был оказан нажим с целью побудить его добиться передачи этих бумаг в распоряжение царского правительства. О том, что такое намерение существовало, свидетельствует вся дальнейшая история этого архива. Осенью 1869 г. шеф жандармов П. А. Шувалов направил в Женеву специального агента III Отделения К.-А. Романа. Действуя под именем «издателя Н. В. Постникова», он приобрел у Тхоржевского бумаги покойного князя, дав обязательство издать их (см. аннотацию писем Постникова в отделе «Аннотации»). Он действительно для виду издал на французском языке обесцвеченную и фальсифицированную брошюру в качестве II тома «Мемуаров» Долгорукова — «Mémoires de feu le prince Pierre Dolgoroukoff», t. II, Bale et Genève, 1871. Самые бумаги Долгорукова исчезли бесследно. Повидимому, они были уничтожены в III Отделении. (Подробнее об этом эпизоде см. в книге: Р. М. Кантор. В погоне за Нечаевым. 2-е изд., Л., 1925.)